

Москва в восприятии старших сыновей Александра Второго*

Федор Мелентьев

Государственный архив Российской Федерации;
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Moscow as Perceived by Alexander II's Elder Sons**

Fedor Melentev

State Archives of the Russian Federation;
HSE University,
Moscow, Russia

This article examines the attitude to Moscow of Grand Princes Nicholas Alexandrovich and Alexander Alexandrovich; the latter became Emperor Alexander III afterwards. The opinion has taken root in historiography and become self-evident that the peacemaker tsar loved the ancient capital like no other ruler of the Russian Empire. The article aims to reconstruct the attitude of Alexander III and his elder brother to Moscow and understand why it arose and how it changed over time. The research methodology considers the achievements of the new political history, the history of everyday life, and the history of emotions. The article refers to unpublished letters, diaries, and memoirs of contemporaries, the grand princes' diaries, and their correspondence with Alexander II, Empress Maria Alexandrovna, Grand Princes Mikhail Nikolaevich, and Vladimir Alexandrovich, which have not been introduced into scholarly circulation previously. The analysis makes it possible to assert that warm feelings for Mother See did not arise in the tsar-liberator's eldest sons immediately. The formation of their attitude toward the ancient capital was influenced by professors of Moscow University invited to teach the Grand

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

** Citation: Melentev, F. (2023). Moscow as Perceived by Alexander II's Elder Sons. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 2. P. 457–472. DOI 10.15826/qr.2023.2.799.

Цитирование: Melentev F. Moscow as Perceived by Alexander II's Elder Sons // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 2. P. 457–472. DOI 10.15826/qr.2023.2.799 / Мелентьев Ф. Москва в восприятии старших сыновей Александра Второго // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 2. С. 457–472. DOI 10.15826/qr.2023.2.799.

Princes, such as statistician I. K. Babst, lawyer K. P. Pobedonostsev, and historian S. M. Solovyov. Also, the princes were influenced by the conservative Moscow periodicals they read and Empress Maria Alexandrovna. Unlike the Tsarina, Alexander II was suspicious of the Moscow public, which seemed insufficiently loyal to him. Therefore, his sons' positive attitude towards Moscow and its society was not something taken for granted. At the same time, attempts to influence the sympathies of the grand princes to the ancient capital pursued the goal not so much to stimulate the tsarevichs' interest in Moscow antiquities as to make them supporters of "people's autocracy", as well as adherents of the "national policy". In conclusion, the author analyzes the phrase attributed to Alexander III that "Moscow is the temple of Russia, and the Kremlin is its altar" providing arguments about the doubtfulness of its authorship.

Keywords: Moscow, Alexander III, Tsarevich Nicholas Alexandrovich, K. P. Pobedonostsev

Исследуется отношение к Москве великих князей Николая и Александра (будущего императора Александра III). В историографии укоренилось мнение о том, что царь-миротворец как никто из правителей Российской империи любил древнюю столицу. Цель статьи – реконструировать отношение Александра III и его старшего брата к Москве, понять, почему оно возникло и как менялось с течением времени. Методология исследования учитывает разработки новой политической истории, истории повседневности и истории эмоций. Анализ неопубликованных писем, дневников и мемуаров современников, а также не введенных в научный оборот дневников великих князей и их переписки с Александром II, императрицей Марией Александровной, великими князьями Михаилом Николаевичем и Владимиром Александровичем позволяет утверждать, что теплые чувства к первопрестольной появились у старших сыновей царя-освободителя далеко не сразу. На формирование их отношения к древней столице повлияли приглашенные преподавать великим князьям профессора Московского университета (И. К. Бабст, К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев), чтение московских консервативных периодических изданий, а также императрица Мария Александровна. В отличие от царицы, Александр II с подозрением относился к московской общественности, которая казалась ему недостаточно лояльной, и положительное отношение его сыновей к Москве не было чем-то самим собой разумеющимся. Попытки повлиять на симпатии великих князей к древней столице преследовали цель не столько стимулировать у цесаревичей интерес к московским древностям, сколько сделать их сторонниками «народного самодержавия», а также приверженцами «национальной политики». Приписываемая Александру III фраза, что «Москва – храм России, а Кремль – ее алтарь» вызывает справедливые сомнения в авторстве самодержца.

Ключевые слова: Москва, Александр III, цесаревич Николай Александрович, К. П. Победоносцев

К устоявшимся представлениям об Александре III относится мнение о его любви к Москве, будто бы не характерной для других российских императоров (за исключением Николая II). Причины такого отношения царя-миротворца к древней столице связывают с его интересом к допетровской эпохе, консервативным мировоззрением и религиозностью [Громова]. Взгляды самодержца на первопрестольную рассматриваются в историографии сквозь призму символики Московской Руси [Уортман, с. 293–321; Лескинен, с. 55–58], которая активно использовалась в правление Александра III и особенно проявилась в храмовой архитектуре [Савельев].

Непосредственное же отношение императора к Москве в лучшем случае характеризуют при помощи пары цитат из мемуарной литературы и его писем. Учитывая, что эпистолярные послания и поденные записи, сделанные Александром III в бытность императором, действительно скудны, представляется необходимым обратиться к дневникам и письмам, которые он писал, будучи великим князем. Их анализ позволяет не только увидеть отношение Александра Александровича к древней столице, но и понять, почему оно возникло и как менялось с течением времени.

Тема «Романовы и Москва» до сих пор не нашла монографического раскрытия (хотя имеется литература, предназначенная для массового читателя [Васькин], и каталоги выставочных проектов [Елизавета Петровна; Москва – Святая Земля]). Изучение московского и петербургского текстов русской культуры практически не предполагало обращения к восприятию древней столицы членами династии [Люсьи; Топоров], несмотря на то, что образ Москвы в их представлениях был весьма противоречивым [Шевырев, 2018; Шевырев, 2019]. Неоднозначным было отношение к древней столице у Александра II, чье рождение в Москве нередко упоминалось в императорских рескриптах в знак особых чувств царя к своей «колыбели» [Барсуков, с. 16–17]. Но хотя именно в Москве 30 марта 1856 г. он объявил, что рано или поздно крепостное право должно быть упразднено, московское дворянство не сразу и не безусловно выразило готовность открыть губернский комитет по крестьянскому делу [Захарова, с. 142]. Александр II чувствовал оппозиционность московского общественного мнения, что наложило отпечаток на его отношение к первопрестольной. Тем не менее в пореформенный период Москва продолжала вызывать интерес у членов императорской фамилии. Особое значение имело отношение к первопрестольной старших сыновей Александра II – великих князей Николая Александровича (1843–1865) и Александра Александровича (1845–1894), которые рассматривались как будущие правители.

В обществе считали, что цесаревич Николай Александрович должен был обучаться в Московском университете, являвшемся символом свободы мысли. В 1856 г. наставник великих князей В. П. Титов, обсуждая с императором образование наследника престола, объяснял, «почему в Московском университете следует учиться ему,

а не в Петербургском» [Записки князя, с. 133]. «Многие думали даже, – писал А. И. Герцен императрице Марии Александровне 1 ноября 1858 г., – что увидят вашего сына на лавках Московского университета» [Герцен, с. 354]. Переезд в Москву наследника престола должен был помочь ему избавиться от придворного влияния и по-настоящему полюбить Россию. Планы, связанные с обучением цесаревича Николая Александровича в университете, не реализовались, но во дворце ему читали лекции профессора как столичного, так и Московского университета (И. К. Бабст, Ф. И. Буслаев, К. П. Победоносцев, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин). У наследника престола и московских профессоров сложились теплые взаимоотношения [Мелентьев].

О «московском векторе» в подготовке будущего императора могло свидетельствовать предложение новоназначенного министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, который 28 апреля 1856 г. советовал, чтобы в возрасте 19–21 года на цесаревича Николая Александровича было возложено «управление какой-либо губернией без исполнительной ответственности» (замысел не был воплощен в жизнь) [ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2487. Л. 7] (в подлиннике по-французски. – Ф. М.). Историк С. С. Татищев вольно перевел этот фрагмент таким образом: «Управление какою-либо административною отраслью, как, например, отдельною областью империи в звании генерал-губернатора, хотя и без исполнительной ответственности» [Татищев, с. 109]. Если допустить осведомленность Татищева в деталях, не изложенных в его книге, то напрашивается гипотеза о том, что Горчаков предлагал вверить наследнику престола управление московским генерал-губернаторством (которое в 1891 г. по повелению Александра III возглавил великий князь Сергей Александрович).

Касаясь вопроса об истоках особого отношения Александра III к Москве, С. С. Татищев указывал на первую поездку великих князей Николая и Александра Александровичей в древнюю столицу в 1851 г. «Могучее и живое проявление таинственной и неразрывной духовной связи самодержавного русского царя (Николая I. – Ф. М.) с его народом не могло не произвести на юные умы Николая и Александра Александровичей глубокого и неизгладимого впечатления», – утверждал историк, хотя употребленная им модальная конструкция «не могло не» указывала на субъективность его рассуждений [Татищев, с. 66].

Между тем великие князья не сразу полюбили Москву. Еще в 1861 г. И. Е. Андреевский, преподававший цесаревичу Николаю Александровичу энциклопедию права, «в своих уроках выставлял ему П[етер]бург, будто весь свет оттуда, а в Москве тьма!» (о чем великий князь рассказал Победоносцеву 4 декабря 1862 г.). 29 августа 1862 г. Победоносцев писал в дневнике о беседе с наследником: «Я сам прежде, – сказал он (цесаревич Николай Александрович. – Ф. М.), – смеялся над любовью к Москве – думал, это квасной патриотизм, а теперь вижу, что в М[оскве] много хорошего» [РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 об., 20 об.]. А князь В. П. Мещерский, входивший в ближайшее

окружение старших сыновей Александра II, 18 августа 1865 г. упрекал цесаревича Александра Александровича в пристрастной любви к Петербургу и предпочтении его Москве [Мещерский, с. 148]. В любом случае детские впечатления великих князей не были настолько однозначными, как это представлено в дореволюционной и апологетической историографии.

Одним из решающих факторов, сказавшихся на восприятии древней столицы наследниками престола, было влияние представителей московской университетской среды в великокняжеском окружении. В частности, цесаревичу Николаю Александровичу хорошо запомнилась оживленная четырехчасовая беседа, которую вели его попечитель граф С. Г. Строганов (в прошлом – попечитель Московского учебного округа), Победоносцев и Бабст (ученик Т. Н. Грановского), готовя его к посещению Москвы. «Наш разговор, – писал наследник в дневнике 11 октября 1863 г., – шел об университетах, кафедрах, профессорах, Герцене, прошлом направлении, о Москве и ее обществе, о Грановском и его кружке и т. д.» [ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2549. Л. 32]. Университет был одним из центров общественной жизни николаевской России, а университетское сообщество, членом которого цесаревич Николай Александрович хотел себя ощущать, представляло значимую часть московского общества. При этом Мещерский уверял цесаревича Александра Александровича в марте 1868 г., что тому удалось избавиться от «ужасного влияния» Петербурга во многом благодаря «московским профессорам» [Мещерский, с. 441].

Другим фактором стало чтение московских периодических изданий, таких как «Московские ведомости» и «Русский вестник» М. Н. Каткова, «День» и «Москва» И. С. Аксакова. Хотя великие князья Николай и Александр Александровичи были подписаны на ведущие общественно-литературные периодические издания, сохранились их упоминания именно о московских газетах и журналах. В историографии уже приводились сочувственные отзывы цесаревича Александра Александровича о «Москве», отражавшие его переживания по поводу цензурных преследований этой газеты [Астанков, с. 67, 81–83, 87, 111]. Менее известны оценки его старшего брата. 29 июня 1863 г. цесаревич Николай Александрович писал императрице Марии Александровне: «Мы читали весьма любопытные статьи в “Моск[овских] ведомостях” и “Дне”», имея в виду прежде всего передовицы Каткова и Аксакова, посвященные польскому вопросу [ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 38]. А писательница Н. С. Соханская сообщала И. С. Аксакову 5 июля 1862 г., что наследник сетовал на цензурные репрессии в отношении «Дня» и называл эту газету «единственно честным живым органом, который мог ознакомить со многим и дельным» [Семья Аксаковых и Н. С. Соханская, с. 174]. Особые симпатии великих князей к московской консервативной прессе были вызваны не только публикациями, но и цензурными препятствиями, отражавшими негативное отношение императора к этим изданиям.

Значимую роль в формировании взглядов наследников престола сыграла императрица Мария Александровна. Бывшая гессенская принцесса, стремившаяся подчеркнуть, что она стала русской императрицей, очень тепло относилась к Москве. «Матушка дорогая белокаменная!» – выводила она по-русски в письме 23 ноября 1862 г. к старшему сыну, которому обычно писала по-французски [ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 3233. Л. 52 об.]. Императрица хотела привить любовь к древней столице не только сыновьям, но и цесаревне Марии Федоровне. После перехода своей невестки в православие императрица попросила Победоносцева «приготовить» цесаревну «к Москве, чтобы она полюбила Москву», о чем тот сообщал Е. Ф. Тютчевой 2 декабря 1866 г. По словам императрицы, именно здесь, в «сердце России», можно было ощутить силу «национального чувства и смысл русской истории». Царице хотелось, «чтобы цесаревна въехала в Москву приготовленная и с живым чувством интереса» «к ее древностям и святыням». Победоносцев одобрял эту мысль, считая, что «надо всячески поддерживать связь» цесаревича и цесаревны «с Москвою, и через Москву – с народом и историей» [ОР РГБ. Ф. 230. К. 4408. Д. 1. Л. 7 об. –8; Полунов, с. 145–146].

Поездка Александра II и великокняжеской четы в древнюю столицу в апреле 1867 г. должна была стать своего рода испытанием и даже «инициацией» для молодой супруги наследника престола. Московское общество сочувствовало цесаревне Марии Федоровне еще в бытность датской принцессой, когда 12 апреля 1865 г. умер ее жених цесаревич Николай Александрович. Теперь же цесаревне, которую в царской семье звали «Мин(н)и», предстояло оправдать доверие москвичей и показать себя достойной титула русской великой княгини. В славянофильском окружении императрицы Марии Александровны обсуждали готовящуюся поездку и ее значение. «Вечером был у Мама, – писал великий князь Алексей Александрович 6 апреля 1867 г., – где была К. Ф. Тютчева (имелась в виду Е. Ф. Тютчева. – Ф. М.), и мы разговаривали о встрече, которую сделают в Москве Саше и Минни» [ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83. Л. 123 об.] (здесь и далее выделено в подлиннике. – Ф. М.). Общение цесаревны Марии Федоровны с московской знатью было настолько важным событием, что цесаревич Александр Александрович упомянул о нем в нескольких письмах к родным. 22 апреля 1867 г. он написал своему дяде великому князю Михаилу Николаевичу: «Сегодня было большое поздравление, и Минни пришлось много говорить с московскими дамами, что она исполнила очень хорошо» [ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2743 а. Л. 19], а через два дня с облегчением сообщал в письме к матери: «Представление дам сошло благополучно, и Минни говорила много и почти со всеми дамами, так что я сам удивился» [Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 115. Л. 64]. Цесаревна выдержала «экзамен».

Между тем сам Александр Александрович во время посещений Москвы испытывал досаду. Уже в бытность императором он «скор-

бел о том, что никогда не приходилось ему “спокойно” жить в Москве, без торопливости и суеты, без приемов и вечного представительства. Он дорожил другою Москвою – не парадною, не официальною, и этой другою Москвою ему не давали» [Мемуары графа С. Д. Шереметева, с. 457]. Наблюдения графа С. Д. Шереметева вполне согласуются с записью в дневнике наследника от 30 апреля 1867 г.: «Итак, это предпоследний день в Москве. Порядочно мы потаскались в эти 10 дней, и все довольны уехать домой. Мне становится скучно и нестерпимо здесь, так хочется подышать свободой» [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 300. Л. 94]. Более строгая регламентация участия членов императорской фамилии в церемониальной жизни Москвы лишней раз свидетельствует о напряженном внимании, оказывавшемся самодержцем древней столице, а также о повышенных требованиях Александра II к цесаревичу.

Анализируя вырвавшееся у наследника престола сетование на скучное времяпрепровождение в Москве в 1867 г., следует иметь в виду, что для дневника и писем цесаревича Александра Александровича в целом были менее характерны эмоциональные оценки происходящего, нежели рутинные описания последовательности событий. Зато цесаревич Николай Александрович в письме к матери 18 мая 1861 г. отзывался о Москве как о «коренном русском городе» [Там же. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 3], а в послании к отцу 22 мая 1861 г. называл ее «наша добрая, чисто русская Москва» [Там же. Ф. 678. Оп. 1. Д. 814. Л. 18]. Конечно, такие клишированные отзывы могли и не отражать собственного отношения наследника престола к древней столице (в первой цитате, например, можно увидеть переключку со строкой «коренной России град» из стихотворения Ф. Н. Глинки «Москва» 1840 г. [Глинка, с. 438]). Однако характерно, что эти письма были посланы великим князем через несколько месяцев после отмены крепостного права, когда Александр II не был до конца уверен в преданности московского дворянства.

О том, что цесаревич Николай Александрович понимал непростую ситуацию, сложившуюся в то время, свидетельствует его письмо к императрице Марии Александровне 4 июня 1861 г. «Трудно сидеть в Царском (Селе. – Ф. М.) и не интересоваться тем, что Вы не только делаете, но чувствуете в Москве», – писал цесаревич матери во время пребывания там царской четы. «Какое впечатление произвела на Тебя Москва, – интересовался он у императрицы, – как Ты нашла тамошнее начальство: митрополита Филарета, ген[ерал-]губ[ернатора] Тучкова, Исакова (попечителя Московского учебного округа. – Ф. М.) и т. д., вообще как показался Тебе дух московского общества, московского дворянства в особенности. Вот вещи, которые мне очень любопытно было бы услышать от Тебя» [ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33. Л. 9–9 об.]. Настроения москвичей волновали не только Александра II, но и его старшего сына, писавшего: «Я слышал с разных сторон рассказы о Вашем пребывании в Москве и не имею средств поверить эти, часто, вероятно, искаженные слухи» [Там же. Л. 9 об.]. Можно предположить, что они касались того,

как Москва приняла императорскую чету (по крайней мере, И. С. Аксаков в письме Ю. Ф. Самарину 28 июля 1862 г. сетовал на прохладный прием царской семьи «в прошлом году нашим глуповатым дворянством в Москве» [Переписка И. С. Аксакова, с. 155]).

Особую роль во взаимоотношениях членов царской семьи и населения Москвы играли выражения вернопреданности, проявившиеся во время приезда августейших особ в древнюю столицу [Куприянов, с. 191–202]. «Обожание к царю», по словам адвоката С. А. Андреевского, «довольно упорно держалось в толпе почти во все царствование Александра II», особенно в Москве [Андреевский, с. 183]. С точки зрения императора, поддержка самодержавия должна была выражаться в подобных формах, однако если в непритворности излишней народный чувств царь был уверен, то порой он имел поводы сомневаться в искренности эмоций, выразившихся знатью.

В частности, 19 ноября 1862 г. в письме к цесаревичу Николаю Александровичу Александр II описывал реакцию дворянства Московской губернии на его речь, произнесенную накануне. Обращаясь к ним, император признался в теплых чувствах к «древней столице» (по словам царя, она была «вдвойне дорога» ему как собственная «колыбель») и в симпатии к московскому дворянству, принадлежать к которому в качестве помещика Московской губернии Александр II назвал особой честью. Он заключил свою речь благодарностью дворянам «за радушный прием», который, по словам императора, он умел ценить. «Они отвечали громким и, надеюсь, непритворным ура», – писал Александр II сыну [ГАРФ. Ф. 665. Оп. 1. Д. 13. Л. 33–34, 31 об.], будто бы не до конца доверяя чувствам московской знати, что и понятно, учитывая активизацию оппозиционной политической деятельности московского дворянства в 1861–1862 гг. [Христофоров, с. 145–150]. Для императора эта речь была настолько важна, что он послал ее список цесаревичу.

Неверие царя в искренность эмоций московского дворянства, как представляется, подтверждает мнение Шереметева, что Александр II был «совершенно чужд Москвы» и «не любил, когда ему напоминали, что он в ней родился» [Мемуары графа С. Д. Шереметева, с. 457]. Казалось бы, слова Шереметева противоречат заверениям царя-освободителя в теплых чувствах к древней столице, однако нарочитые напоминания Александру II о необходимости особым образом относиться к Москве походили скорее на психологическую манипуляцию, в то время как указывать на то, что он «москвич», имел право лишь сам император, не забывавший об оппозиционности московского дворянства.

Поэтому удивительно, что цесаревич Николай Александрович, зная о взглядах отца, высказывал симпатии по отношению к Москве (то есть фактически в адрес московского общества). Например, 4 декабря 1862 г., согласно дневнику Победоносцева, наследник в откровенной беседе говорил тому «о Москве, о преимуществах ее пред П[етер]бургом». Преподаватель цесаревича объяснял слова ученика

тем, что «Москва у них теперь в моде», вероятно, имея в виду славянофильские симпатии не названных им членов императорской фамилии [РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1. Л. 31 об.]. Возможно, речь шла об императрице Марии Александровне, тем более что осенью 1864 г. до Победоносцева дошли смутные слухи, будто свадьбу цесаревича Николая Александровича с принцессой Дагмар «хотят устроить в Москве». «Это было бы очень кстати, – писал Победоносцев фрейлине А. Ф. Тютчевой 8 ноября 1864 г., – да вряд ли это правда» [«...Пишу только для вас...», с. 203].

Свадьба не состоялась из-за смерти цесаревича, о котором Тютчева, ставшая женой И. С. Аксакова, сообщала генералу А. А. Кирееву 15 декабря 1884 г., будто тот «был славянофильского направления и говорил, что если он будет царствовать, то переедет в Москву» [ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10. Л. 64 об.]. Такого рода высказывания наследника престола неизбежно воспринимались как его дистанцирование от позиции императора. Поэтому неслучайно Победоносцев признавался А. Ф. Тютчевой 12 апреля 1865 г., что консервативные силы надеялись на скончавшегося цесаревича: «Мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса» [«...Пишу я только для вас...», с. 205]. После объявления наследником великого князя Александра Александровича такие надежды были возложены уже на него.

Консервативно настроенное ближайшее окружение нового цесаревича считало, что ему следовало соответствовать ожиданиям московского общественного мнения. Мещерский в письме из Москвы 26 июля 1865 г. так передавал наследнику престола содержание своей беседы с Бабстом: «Независимо от многих глупых сплетен, повторяемых Москвою вслед за Петербургом, здесь относятся к Вам с теплым участием и любовью». Именно поэтому наследник, оказавшись в первопрестольной, должен был «оправдать эту молву более чем где-либо, ибо Москва гораздо более Россия, чем Петербург, Москва любит искреннее, уважает искреннее, молится искреннее, но и судит строже» [Мещерский, с. 142].

Уже 14–20 августа того же года цесаревич Александр Александрович побывал в Москве вместе с отцом. Поначалу дневниковые записи цесаревича представляли собой описание распорядка дня и перечисление тех учреждений, в которых он побывал. Однако 17 августа 1865 г. наследник написал в дневнике (который он в то время имел обыкновение обсуждать с одним из своих друзей):

К[нязь] Мещерский все-таки будет недоволен мною, потому что я мало пишу размышлений, но это оттого, что у меня теперь мало времени, а я хочу написать непременно все, что я делал, и все, что я видел в Москве [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 57–57 об.].

Письма князя должны были стать образцом для размышлений цесаревича. Например, Мещерский писал наследнику престола о кремлевских соборах 26 июля 1865 г.:

Не могу выразить Вам, с каким особенным чувством благоговения я обходил эти святыни и молился в них долго и усердно. Сознание, что стоишь и молишься в том храме, где веет русскою стариною, где невидимо присутствуют столько веков, где под сводами таится отголосок стольких молитв и на камне хранится след стольких перебивавших поколений, все это таинственно вдохновляет к молитве [Мещерский, с. 141].

Цесаревич Александр Александрович пытался подражать Мещерскому, но его «размышления», записанные 17 августа 1865 г., оказывались слишком косноязычными и клишированными:

Народ московский совершенно так же принимает своего царя, как и прежде, если не еще с большим энтузиазмом. Когда я иду или еду с Папа, то почти все время из толпы слышится: «Вот наследник!» Вообще Москва радуется всех истинно русских приемом, которым она встречает государя и всю царскую фамилию. Дай Бог, чтобы это продолжалось и укреплялось в русском народе [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 57 об.].

Так или иначе, цесаревич Александр Александрович воспринимал первопрестольную как пространство, открытое для выражения народной любви к царской семье.

Попытки ближайшего окружения повлиять на отношение цесаревичей к древней столице преследовали цель не столько стимулировать у них интерес к московским древностям, сколько сделать их сторонниками «народного самодержавия» (то есть непосредственного единения царя с народом, воспевавшегося славянофилами и консервативными публицистами), а также приверженцами «национальной политики». Вот как излагал ее суть Мещерский в письме из Москвы к цесаревичу Александру Александровичу 24 марта 1871 г.:

Национальная политика весьма проста. Ее основа – объединение государя с народом, отрицание сословных политических прав, а признание сословий только как частей земства, невмешательство в дела Европы и твердое запрещение Европе вмешиваться в наши дела, развитие земства и неуклонное распространение всех законов и учреждений на все окраины государства [Мещерский, с. 354].

Уроки Мещерского, очевидно, не прошли даром, и уже 25 апреля 1881 г. Александр III утверждал: «Никакой другой политики не может быть у нас, как *чисто русская национальная*; никакой другой политики быть не *может* и не *должно*» [Александр III, с. 313].

Отношение Александра III к Москве приобретало программное значение [Грингмут]. В восприятии же самого императора первопрестольная представляла в качестве оплота нравственности и спокойствия. Спустя год после коронации Александр III в письме к императрице Марии Федоровне 16 мая 1884 г. вспоминал о значении этой церемонии.

Вчерашний день, 15 мая, счастливейший день по воспоминаниям о том, что было в Москве год тому назад, и вечное благодарение Господу, благословившему этот священный день для нас и всей России, которая с таким трогательным участием и вниманием ждала и встретила это великое событие для нас и доказала всей изумленной и испорченной нравственно Европе, что Россия – самая святая, православная Россия, которой она была и при царях московских и каковой дай Бог ей остаться вечно!» [Император Александр III и императрица Мария Федоровна, с. 95].

В этом письме можно увидеть не только вздох облегчения Александра III, на которого не посмели или не смогли совершить покушение во время пребывания в Москве, но также противопоставление России, благоговевшей перед своим царем, и развращенного Запада, терзаемого революциями [ср.: Мартин, с. 347]. Запомнившиеся Александру III выражения народной любви приобретали в его представлении сакральное значение. Император вспоминал: «Да, хорошее и отрадное это было время в Москве» [Там же]; он на протяжении всего царствования мечтал о поездке в первопрестольную, которую можно было бы приурочить к Страстной седмице, чтобы без суеты «поговеть и встретить Пасху в Кремле» [Мемуары графа С. Д. Шереметева, с. 457]. Однако подобное путешествие так и не состоялось.

Анализируя отношение Александра III к древней столице, нельзя не вспомнить приписываемую ему фразу: «Москва – храм России, а Кремль – ее алтарь». Цитируя это высказывание, Татищев восклицал: «Никто выразительнее не определял впоследствии выдающегося значения первопрестольной столицы в исторической жизни русского государства и народа, как государь Александр Александрович в словах, которые неоднократно повторял он в зрелых своих летах», причем историк добавил в примечании, что основывается на сообщении издателя журнала «Русский архив» П. И. Бартенева [Татищев, с. 67]. Уже в год смерти Александра III один из священнослужителей вспоминал как об известном факте, что царь произнес эту формулировку, «любясь в последний раз своею первопрестольною столицей» [Из статьи г. Ю. Николаева, с. 383]. А в проповеди, опубликованной в 1896 г. и посвященной коронации Николая II, неназванный оратор уточнял, что фразу «люблю смотреть на Москву: Москва – это храм России, а кремлевские соборы – это алтарь ее» Александр III сказал «в последний свой приезд в первопрестольную столицу, стоя на галерее дворца своего и смотря на раскинувшуюся пред ним белокаменную, златоглавую» [Священный день России, с. 692] (имелось в виду пребывание царской семьи в Москве 12–16 мая 1893 г.).

Сравнение Кремля с алтарем было одним из общих мест в русской общественной мысли XIX в. Алтарем России назвал Кремль в 1834 г. 20-летний М. Ю. Лермонтов в ученическом сочинении «Панорама Москвы» (впервые опубликованном в 1891 г.) [Лермонтов, с. 145]. «Твой Кремль – алтарь наш и твердыня», – восклицал в 1858 г. князь

П. А. Вяземский, автор стихотворения «Очерки Москвы» [Вяземский, с. 273]. Между тем сама древняя столица традиционно уподоблялась «сердцу» России [Горизонтов, с. 204–205], а не ее «храму». В частности, составитель «обозрения расположения умов и различных частей государственного управления в 1833 году» упоминал «Москву, сие сердце, так сказать, России» [«Россия под надзором», с. 99], а в «Русской элементарной книге для чтения», изданной в 1890 г., безапелляционно утверждалось: «Москва – сердце России. Кремль – сердце Москвы» [Манделькern, с. 91].

Именованье первопрестольной храмом России было своего рода новацией, автором которой считался Александр III. Между тем устные воспоминания Бартенева подчас неточны [Бартенев], а ни одного свидетельства очевидца о произнесении императором этой фразы не обнаружено. Разумеется, нет упоминаний о ней и в памятных книжках самого царя [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 294. Л. 5 об.; Д. 293. С. 45–47]. Таким образом, слова о храме России следует отнести к той же категории текстов и афоризмов, приписываемых Александру III, как лозунг «Россия для русских» и «политическое завещание», будто бы адресованное наследнику цесаревичу [Андреев; Иванов].

Подводя итог изучению образа Москвы в восприятии старших сыновей Александра II, необходимо отметить, что переосмысление отношения членов императорской фамилии к древней столице пришлось на эпоху Великих реформ. Если Александр II воспринимал московскую общественность не без опасений, то великие князья Николай и Александр Александровичи с более теплыми чувствами относились к первопрестольной. В то же время симпатии августейших особ к Москве были важны для их приближенных не сами по себе, а как признак расположения к «народному самодержавию», символом которого как раз и являлась древняя столица. Успешное влияние на соответствующее отношение к первопрестольной продолжилось и в царствование Николая II.

Библиографические ссылки

- Александр III. Русский государь. М. : Гос. ист. музей, 2020. 340 с.
- Андреев Д. А. Было ли «политическое завещание» императора Александра III наследнику цесаревичу Николаю Александровичу? К постановке проблемы // Вестн. ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской православной церкви. 2019. № 89. С. 97–114. DOI 10.15382/sturI201989.97-114.
- Андреевский С. А. Книга о смерти. М. : Наука, 2005. 670 с.
- Астанков В. А. Государственная деятельность цесаревича Александра Александровича и его восприятие правительственной политики в 1865–1881 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2014. 188 с.
- Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 кн. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. Кн. 14. 641 с.
- Бартенев П. И. Воспоминания // Рос. архив. Вып. 1. М. : Рос. архив, 1991. С. 47–95.
- Васькин А. А. Москва при Романовых. К 400-летию царской династии Романовых. М. : Спутник+, 2013. 320 с.
- Вяземский П. А. Очерки Москвы // Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского : в 12 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. Т. 11. С. 273–277.

ГАРФ. Ф. 641. Оп. 1. Д. 33, 115; Ф. 652. Оп. 1. Д. 620; Ф. 665. Оп. 1. Д. 13; Ф. 677. Оп. 1. Д. 293, 294, 298, 300; Ф. 678. Оп. 1. Д. 814; Ф. 728. Оп. 1. Д. 2487, 2549, 2743а, 3233.

Герцен А. И. Письмо к императрице Марии Александровне // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 13. С. 353–360.

Глинка Ф. Н. Письма к другу. М. : Современник, 1990. 559 с.

Горизонтов Л. Е. Внутренняя Россия на ментальных картах имперского пространства // Культура и пространство. Славянский мир. М. : Логос, 2004. С. 201–216.

Грингмут В. А. Знаменательное десятилетие в истории Москвы // Собрание статей В. А. Грингмута. 1896–1907 : в 4 вып. М. : Университет. тип., 1908. Вып. 1. С. 274–277.

Громова А. В. Визиты императора Александра III в Москву в 1855–1893 гг. // Здесь бывал сам государь. К 175-летию императора Александра III : материалы науч.-практ. конф. из цикла «Императорская Гатчина». Гатчина : [Б. и.], 2021. С. 98–109.

Елизавета Петровна и Москва. М. : Арт-Волхонка, 2010. 218 с.

Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб. : Нестор-История, 2005. 502 с.

Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М. : РОССПЭН, 2011. 718 с.

Иванов А. А. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб. : Владимир Даль, 2016. 510 с.

Из статьи г. Ю. Николаева «Литературные заметки. О памятнике императору Александру III» (Московские ведомости. № 323) // Памяти императора Александра III. Сборник «Московских ведомостей» : (Известия, статьи, перепечатки). М. : Университет. тип., 1894. 404 с.

Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы. М. : Рус. слово, 2007. 349 с.

Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М. : Новый хронограф, 2007. 476 с.

Лермонтов М. Ю. Панорама Москвы // Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч. : в 10 т. М. : Воскресенье, 2001. Т. 9. С. 140–145.

Лескин М. В. «Слава Богу, мы русские» // Практики и интерпретации. 2019. Т. 4, № 2. С. 54–66. DOI 10.23683/2415-8852-2019-2-54-66.

Люсий А. П. Московский текст : текстологическая концепция русской культуры. М. : Вече, 2013. 317 с.

Манделькern С. Русская элементарная книга для чтения. Лейпциг : Bär & Hermann, 1890. 240 с.

Мартин А. Просвещенный метрополис : созидание имперской Москвы, 1762–1855. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 446 с.

Мелентьев Ф. И. Россия в лекциях для наследников престола (1860-е годы) // Российская история. 2017. № 5. С. 140–153.

Мемуары графа С. Д. Шереметева. М. : Индрик, 2001. 736 с.

Мецкерский В. П. Письма к великому князю Александру Александровичу, 1863–1868. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 729 с.

Москва – Святая Земля великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны : каталог выставки. М. : Союз Дизайн, 2016. 336 с.

ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10; Ф. 230. К. 4408. Д. 1.

ОР РНБ. Ф. 890. Оп. 1. Д. 83.

Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876). СПб. : Пушкинский Дом, 2016. 712 с.

«...Пишу я только для вас...» : Письма К. П. Победоносцева к сестрам Тютчевым // Новый мир. 1994. № 3. С. 195–223.

Полунов А. Ю. К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М. : РОССПЭН, 2010. 374 с.

РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 1.

«Россия под надзором» : отчеты III отделения 1827–1869 : сб. док. М. : Рос. фонд культуры, 2006. 703 с.

- Савельев Ю. П. Искусство историзма и государственный заказ: вторая половина XIX – начало XX века. М. : Совпадение, 2008. 304 с.
- Священный день России // Прибавления к Церковным ведомостям. 1896. № 19–20. С. 689–693.
- Семья Аксаковых и Н. С. Соханская (Кохановская) : Переписка (1858–1884). СПб. : Пушкинский Дом, 2018. 600 с.
- Татищев С. С. Детство и юность великого князя Александра Александровича // Великий князь Александр Александрович : сб. док. М. : Рос. архив, 2002. С. 31–442.
- Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 612 с.
- Уортман Р. С. Сценарии власти : Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2002–2004. Т. 2. 796 с.
- Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М. : Рус. слово, 2002. 429 с.
- Шевырев А. П. Москва – первопрестольная столица в 1862–1917 гг. // Московская городская Дума. 1862–1917 гг. М. : Моск. гор. дума, 2019. С. 15–29.
- Шевырев А. П. Москва – первопрестольная столица империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Московская городская Дума. 1785–1862 гг. От Екатерины II до Александра II. М. : [Б. и.], 2018. С. 43–53.

References

- Alexander III. *Russkii gosudar'* [Alexander III. Russian Sovereign]. (2020). Moscow, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. 340 p.
- Andreev, D. A. (2019). Bylo li “politicheskoe zaveshchanie” imperatora Aleksandra III nasledniku tsesarevichu Nikolayu Aleksandrovichu? K postanovke problemy [Did the “Political Testament” of Emperor Alexander III to Heir Tsesarevich Nikolai Alexandrovich Exist? Articulation of the Issue]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoi pravoslavnoi tserkvi*. No. 89, pp. 97–114. DOI 10.15382/sturII201989.97-114.
- Andreevskii, S. A. (2005). *Kniga o smerti* [A Book about Death]. Moscow, Nauka. 670 p.
- Astankov, V. A. (2014). *Gosudarstvennaya deyatel'nost' tsesarevicha Aleksandra Aleksandrovicha i ego vospriyatie pravitel'stvennoi politiki v 1865–1881 gg.* [The State Activity of Tsarevich Alexander Alexandrovich and His Perception of the Government Policy in 1865–1881]: Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 188 p.
- Barsukov, N. P. (1900). *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina v 22 kn.* [The Life and Works of M. P. Pogodin. 22 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 14. 641 p.
- Bartenev, P. I. (1991). Vospominaniya [Memoirs]. In *Rossiiskii arkhiv*. Iss. 1. Moscow, Rossiiskii arkhiv, pp. 47–95.
- Elizaveta Petrovna i Moskva [Elizaveta Petrovna and Moscow]. (2010). Moscow, Art-Volkhonka. 218 p.
- GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 641. List 1. Dos. 33, 115; Stock 652. List 1. Dos. 620; Stock 665. List 1. Dos. 13; Stock 677. List 1. Dos. 293, 294, 298, 300; Stock 678. List 1. Dos. 814; Stock 728. List 1. Dos. 2487, 2549, 2743a, 3233.
- Glinka, F. N. (1990). *Pis'ma k drugu* [Letters to a Friend]. Moscow, Sovremennik. 559 p.
- Gorizontov, L. E. (2004). Vnutrennyaya Rossiya na mental'nykh kartakh imperskogo prostranstva [Inner Russia on the Mental Maps of Imperial Space]. In *Kul'tura i prostranstvo. Slavyanskii mir*. Moscow, Logos, pp. 201–216.
- Gringmut, V. A. (1908). Znamenatel'noe desyatiletie v istorii Moskvy [A Significant Decade in the History of Moscow]. In *Sobranie statei V. A. Gringmuta. 1896–1907 v 4 vyp.* Moscow, Universitetskaya tipografiya. Iss. 1, pp. 274–277.
- Gromova, A. V. (2021). Vizity imperatora Aleksandra III v Moskvu v 1855–1893 gg. [Visits of Emperor Alexander III to Moscow in 1855–1893]. In *Zdes' byval sam gosudar'. K 175-letiyu imperatora Aleksandra III. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii iz tsikla “Imperatorskaya Gatchina”*. Gatchina, S. n., pp. 98–109.

Herzen, A. I. (1958). Pis'mo k imperatritse Marii Aleksandrovne [Letter to Empress Maria Alexandrovna]. In Gertsen, A. I. *Sobranie sochinenii v 30 t.* Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 13, pp. 353–360.

Imperator Aleksandr III i imperatritsa Mariya Fedorovna. Perepiska. 1884–1894 gody [Emperor Alexander III and Empress Maria Feodorovna. Correspondence. 1884–1894]. (2007). Moscow, Russkoe slovo. 349 p.

Ivanov, A. A. (2016). *Vyzov natsionalizma: lozung "Rossiya dlya russkikh" v dorevolutsionnoi obshchestvennoi mysli* [The Challenge of Nationalism: The Slogan "Russia for the Russians" in Pre-Revolutionary Social Thought]. St Petersburg, Vladimir Dal'. 510 p.

Iz stat'i "Literaturnye zametki. O pamyatnike imperatoru Aleksandru III" (Moskovskie vedomosti. No. 323) [From the Article "Literary Notes. About the Monument to Emperor Alexander III" (Moskovskie vedomosti. No. 323)]. (1894). In *Pamyati imperatora Aleksandra III. Sbornik "Moskovskikh vedomostei"*. (Izvestiya, stat'i, perepechatki). Moscow, Universitetskaya tipografiya. 404 p.

Khristoforov, I. A. (2002). "Aristokraticeskaya" oppozitsiya Velikim reformam (konets 1850 – seredina 1870-kh gg.) ["Aristocratic" Opposition to the Great Reforms (Late 1850s – Mid-1870s)]. Moscow, Russkoe slovo. 429 p.

Kupriyanov, A. I. (2007). *Gorodskaya kul'tura russkoi provintsii. Konets XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Urban Culture of the Russian Province. Late 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Novyi khronograf. 476 p.

Lermontov, M. Yu. (2001). Panorama Moskvy [Panorama of Moscow]. In Lermontov, M. Yu. *Polnoe sobranie sochinenii v 10 t.* Moscow, Voskresen'c. Vol. 9, pp. 140–145.

Leskinen, M. V. (2019). "Slava Bogu, my russkie" ["Bless God! We are Russians"]. In *Praktiki i interpretatsii*. Vol. 4. No. 2, pp. 54–66. DOI 10.23683/2415-8852-2019-2-54-66.

Lyusy, A. P. (2013). *Moskovskii tekst: tekstologicheskaya kontseptsiya russkoi kul'tury* [Moscow Text: Textual Concept of Russian Culture]. Moscow, Veche. 317 p.

Mandelkern, S. (1890). *Russkaya elementarnaya kniga dlya chteniya* [Russian Elementary Book for Reading]. Leipzig, Bär & Hermann. 240 p.

Martin, A. (2015). *Prosveshchennyi metropolis: sozidanie imperskoi Moskvy, 1762–1855* [Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow, 1762–1855]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 446 p.

Melentev, F. I. (2017). Rossiya v lektsiyakh dlya naslednikov prestola (1860-e gody) [Russia in the Lectures for the Heirs to the Throne, 1860s]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 5, pp. 140–153.

Memuary grafa S. D. Sheremeteva [Memoirs of Count S. D. Sheremetev]. (2001). Moscow, Indrik. 736 p.

Meshcherskii, V. P. (2011). *Pis'ma k velikomu knyazyu Aleksandru Aleksandrovichu, 1863–1868* [Letters to Grand Prince Alexander Alexandrovich, 1863–1868]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 729 p.

Moskva – Svyataya Zemlya velikogo knyazya Sergeya Aleksandrovicha i velikoi knyagini Elizavety Fedorovny. Katalog vystavki [Moscow – The Holy Land of Grand Prince Sergei Alexandrovich and Grand Duchess Elizabeth Feodorovna. Exhibition Catalog]. (2016). Moscow, Soyuz Dizain. 336 p.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 126. List 1. Dos. 10; Stock 230. Carton 4408. Dos. 1.

OR RNB [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. Stock 890. List 1. Dos. 83.

Perepiska I. S. Aksakova i Yu. F. Samarina (1848–1876) [Correspondence of I. S. Aksakov and Yu. F. Samarin (1848–1876)]. (2016). St Petersburg, Pushkinskii Dom. 712 p.

"...Pishu ya tol'ko dlya vas...": Pis'ma K. P. Pobedonostseva k sestram Tyutchevym ["...I Write Only for You...": Letters of K. P. Pobedonostsev to the Tyutchev Sisters]. (1994). In *Novyi mir*. No. 3, pp. 195–223.

Polunov, A. Yu. (2010). *K. P. Pobedonostsev v obshchestvenno-politicheskoi i dukhovnoi zhizni Rossii* [K. P. Pobedonostsev in the Socio-Political and Spiritual Life of Russia]. Moscow, ROSSPEN. 374 p.

- RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1574. List 1. Dos. 1.
- “Rossiya pod nadzorom”: *otchety III otdeleniya 1827–1869. Sbornik dokumentov* [“Russia under Supervision”: Reports of the III Department 1827–1869. Collection of Documents]. (2006). Moscow, Rossiiskii fond kul'tury. 703 p.
- Savel'ev, Yu. R. (2008). *Iskusstvo istorizma i gosudarstvennyi zakon: vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* [The Art of Historicism and the State Order: Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Sovpadenie. 304 p.
- Sem'ya Aksakovykh i N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Perepiska (1858–1884)* [The Aksakov Family and N. S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya): Correspondence (1858–1884)]. (2018). St Petersburg, Pushkinskii Dom. 600 p.
- Shevyrev, A. P. (2018). Moskva – pervoprestol'naya stolitsa imperii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX v. [Moscow – the Mother See Capital of the Empire in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. In *Moskovskaya gorodskaya Duma. 1785–1862 gg. Ot Ekateriny II do Aleksandra II*. Moscow, S. n., pp. 43–53.
- Shevyrev, A. P. (2019). Moskva – pervoprestol'naya stolitsa v 1862–1917 gg. [Moscow – Mother See in 1862–1917]. In *Moskovskaya gorodskaya Duma. 1862–1917 gg.* Moscow, Moskovskaya gorodskaya дума, pp. 15–29.
- Svyashchennyi den' Rossii [Sacred Day of Russia]. (1896). In *Pribavleniya k Tserkovnym vedomostyam*. No. 19–20, pp. 689–693.
- Tatishchev, S. S. (2002). Detstvo i yunost' velikogo knyazya Aleksandra Aleksandrovicha [Childhood and Youth of Grand Prince Alexander Alexandrovich]. In *Velikii knyaz' Aleksandr Aleksandrovich. Sbornik dokumentov*. Moscow, Rossiiskii arkhiv, pp. 31–442.
- Toporov, V. N. (2003). *Peterburgskii tekst russkoi literatury. Izbrannye trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature. Selected Works]. St Petersburg, Iskusstvo-SPb. 612 p.
- Vas'kin, A. A. (2013). *Moskva pri Romanovykh. K 400-letiyu tsarskoi dinastii Romanovykh* [Moscow under the Romanovs. To the 400th Anniversary of the Royal Romanov Dynasty]. Moscow, Sputnik+. 320 p.
- Vyazemskii, P. A. (1887). Ocherki Moskvy [Essays of Moscow]. In *Polnoe sobranie sochinenii knyazya P. A. Vyazemskogo v 12 t.* St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. Vol. 11, pp. 273–277.
- Wortman, R. S. (2002–2004). *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii v 2 t.* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. 2 Vols.]. Moscow, OGI. Vol. 2. 796 p.
- Zakharova, L. G. (2011). *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii* [Alexander II and the Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow, ROSSPEN. 718 p.
- Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo. 1855–1879* [Notes of Prince Dmitry Alexandrovich Obolensky. 1855–1879]. (2005). St Petersburg, Nestor-Istoriya. 502 p.

The article was submitted on 11.02.2022